

Студии театр.
"У Никитских ворот"

28 сентября 1986 г. • «МОСКОВСКИЙ КОМСОМОЛЕЦ» • 3

МОЖЕТ быть, дело в маленькой сцене маленькой зала Центрального дома медиков у Никитских ворот: попробуйте дать тут разогнаться табуна лошадей. Может быть, это все так и задумано, а может, получившись невольно. Но странная и дерзкая идея дать актерам исполнить конские роли приобретает здесь, на наш взгляд, воплощение мучительное для зрителя. Слово бы к фонду имеющихся у истории несчастий — тюрьмы, каторги, рабства — добавлено еще одно, неслыханное наказание: быть превращенным в лошадь.

Разумеется, речь идет все-таки о людях. Так, наглый красавец верховой жеребец Милый (С. Щеглов) легко оказывается красивым наглем-офицером, а при случае может на мгновение явно напомнить и Нарона. Так, женственная и легкомысленная кобылка Вязопуриха не изменяет каким-то основным чертам личности, оказываясь влюбчивой французской Матье или холодноватой Мари. Татьяна Чухваленок счастливо использует для доказательства превосходства у всех своих героинь пластики над духовностью прямо-таки гимнастические, цирковые возможности.

Когда-то казалось, что смелость «Истории лошадей», созданной Марком Розовским по как-то особенно не предназначенному для театра толстовскому «Холстомеру», — именно в этом и состоит. Но та смелость уже показала себя оправданной и в Ленинграде, и в Риге.

Тут требовалось нечто иное, какое-то очень простое

чудо, но все дело в том, удастся оно или нет: найти настоящего Холстомера.

Вернемся к первому впечатлению. Так как лошади все-таки не главная цель толстовского обличения, то чувствуешь, что вообще все тяжело, мучительно: лошадей ли быть, или человеком. Интересно, есть ли у каких-нибудь, допустим, течений экзистенциализма термин «наказание бытием»? А мог бы быть. Вот что тут невольно ощущаешь.

А теперь сразу к итогу. Каково же окончательное впечатление от спектакля? Знаете — светло. Что-то отойдет, забудется, но надолго, возможно, навсегда останется в памяти улыбка Холстомера. Его глаза. Детские, наивные, добрые. Жизнь обошлась с ним чудовищно жестоко — но ведь не победила.

Поэтому главной удачей нынешней постановки следует назвать образ замечательного рысака, прожитый на наших глазах Андреем Степановым.

Честно говоря, не привелось раньше столкнуться с творчеством этого человека. Невольно станешь раздумывать хоть что-нибудь — и посыплются открытия удивительные. К моменту нынешнего «дебюта» актеру уже полвека, 30 лет отданы самодеятельности. Однако вовсе не безоглядно, не с томительным прикусом влюбленности без взаимности.

В те же годы инженер А. Степанов стал кандидатом физико-математических наук, доцентом, лауреатом Государственной премии СССР за свои труды в науке. Однако после спектакля, не имея возможности судить и сравни-

вать несравнимое, хочется воскликнуть: «Что за прелесть актер!» — и всецело поверить, что призвание его именно здесь.

Прежде всего огромный диапазон эмоциональных состояний, доступных актеру. Какая, собственно, улыбка имела в виду, когда я писал, что она запомнится? Ну, хоть, младенческая, детская, когда ребенок удивляется неждан-

ными чертами подчеркивает как приятные, хотя бы у Наполеона или у Стывы Облонского, а вот здесь духовность, хочется сказать, человечность находит даже в лошади.

При всем этом еще не тут окончательный секрет актера. Михаил Чехов ощущение самих больших удач в театре связывал с тем, что сквозь умение, даже и мастерство, вдруг виден в актере сам че-

лодными Мари и графом Бобринским (В. Пискунов). Ему, знаете, все-таки было, что терять, и не в одних тут деньгах дело. Речь и о размахе души, щедрости, некоей крупности, и Холстомер любил его недаром. «Нынешних» не в пример мельче... Эта мысль — тоже ведь толстовская, она еще ярче, чем в «Холстомере», сказалась в «Двух гусаках».

ричны, и здесь настоящей дерзости не найдено. Есть и ритмические затяжки, в сцене опьянения князя — несколько деталей, пусть и выразительных, там, где нужна одна.

Но вот именно эта музыка восхищения Толстым и воплощается в коллективном образе хора, табуна, очень непросто. Его участники выражают свой стадный чувством, и это всегда горько, идет ли речь о животных или людях. Но они как бы не угадали своего предназначения, а оно, во всей их молодости, красоте, силе, выразительности, несомненно, было прекрасным. И образ табуна тоже вносит свой важный вклад в трудное светлое общее впечатление.

Все одаты в холст... У одних он грубый и бедный, как у Холстомера, у других ему приданы черты парадности, светскости, а у генерала, на холщовых штанах — два яркие полосы лампасов. Как бы ни отделяли себя люди от людей — напрасно все это и не нужно. Это ощущение, конечно, тоже принадлежит Льву Николаевичу.

ПОЛНОЙ, энергичной, яркой жизнью живет народный театр-студия «У Никитских ворот» под руководством М. Розовского. И чувство горечи испытывавшей порой даже не в тот же вечер, а в другой, возвращаясь с сарого, обыданного спектакля вполне благополучного «профессионального» театра.

Всякая «табель о рангах» для людей, для коллективов, а не они для нее. И когда есть что-то живое, талантливое — надо беречь, поддерживать... Впрочем, об этом уже много писалось и пишется, не слова нужны, а дела.
М. АРГУС.

ИЗ ТЕАТРАЛЬНОГО ДНЕВНИКА

ХОЛСТОМЕР С УЛИЦЫ ГЕРЦЕНА

ному и прекрасному устройству Вселенной и, в частности, тому, что у него есть такие замечательные копыта.

Эти состояния — не разрознены, перед нами единство, жизнь духа. И вот — его пластика. Не самодовольная, как у Милого, не остро-парадоксальная, выверенная, как у Вязопурихи...

Почему все-таки именно этот рысак — самый лучший, «несравненный», с задатками гениальности? Ответ Розовского и Степанова таков: не от силы и резкости, не от количества мышц, а от его мягкости, от преданности, от любви. Он не просто обходит других, а делает это естественно, без сверхнапряжения физиологического.

Толстой всегда животные

людей. Уверен: Андрею Степанову негде было бы взять многого для создания образа, если бы не было этого у него самого, а жизни.

ВО ВТОРОМ действии внимание наше делают Холстомер и князь Серпуховской. В. Юматов, разумеется, передает ничтожество и полное крушение некогда блестящего барина. Оба гибнут в конце концов, но достоинство и в гибели не исчезает, если оно есть. И Холстомер побеждает своего барина в наших глазах — хотя бы тем, что любовь его была полнее, живее, бескорыстней.

Но Владимир Юматов не сводит весь разговор к разоблачению князя. Вот посмотрите на него, даже и опустившегося, спившегося рядом с

Вообще притягательна дерзость коллектива и руководителя студии, автора пьесы и постановщика Марка Розовского. Почему? При всем театральном, подчас и эксцентрическом своеобразии решений — в основе этой дерзости верность, правдивость первоисточнику, можно сказать, восхищение им.

Не страшен вольный перевод — Ничто не вольность, если любимишь
Но если музыку погубишь...

Так вот, музыка здесь не гибнет.

Все ли звучит ей в тон? Ну, приемы карата у лошадей, избивающих Холстомера, да еще и в замедленном, подчеркнутым темпе — явно вто-